

Акторно-сетевая теория как социологическая составляющая интеллектуального проекта Бруно Латура

Аннотация

Статья посвящена анализу теоретических истоков акторно-сетевой теории (АСТ) Бруно Латура. Главным интеллектуальным базисом АСТ для автора являются идеи постструктуралистской критики Модерна. Интеллектуальный проект Бруно Латура предлагается осмыслить как антропологизацию и социологизацию этих идей, что выражается в проблематизации модернистского видения природы коллективного сосуществования. Такое основание позволяет автору проанализировать важнейшие особенности АСТ и проследить внутреннюю логику построения социальных миров Бруно Латура.

Ключевые слова: *акторно-сетевая теория, Бруно Латур, постструктурализм, социальный порядок*

Акторно-сетевая теория Бруно Латура до сих пор присутствует в дискурсе академической социологии постсоветского пространства. В конце прошлого года издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге издало уже второй русскоязычный перевод трудов французского ученого. Теперь это “Наука действия”, в которой подытоживаются главные аспекты его проекта социологии науки и технологии, так называемых *science and technology studies*. Именно в этом контексте социологии науки преимущественно происходит рецепция АСТ в российской и в украинской социологии, но сегодня актуально расширение горизонта ее осмысления как универсального и полноценного инструмента социологического анализа, основную гносеологическую ценность которого составляют его чувствительность к многогранной гетерогенности социокультурной реальности и постоянным процессам ее трансформации, свидетелями которых в нашем обществе мы сегодня являемся.

Для такого широкого осмысления АСТ в этой статье в первую очередь обратимся к исследованию общего контекста системы идей, разработанных в интеллектуальном проекте Бруно Латура и определим место, которое в его проекте занимает социологический аспект. Такая ревизия для нас станет основой для формирования соответствующей аналитической чувствительности к внутренней логике теоретико-методологических установок АСТ и поможет избежать редукции ее осмысления сквозь призму обычной системы координат традиционного социологического теоретического ресурса.

С этим будет связана следующая задача — определить базовые онтологические и эпистемологические основания социального измерения, сконструированного в работах Латура, и, опираясь на них, интерпретировать роль теоретического и практического атрибутов АСТ и идентифицировать соответствующие исследовательские интересы, связанные с таким инструментом социологического анализа.

Интеллектуальные истоки социологического проекта Бруно Латура

Характер научной деятельности Бруно Латура соответствует духу современности — общей социокультурной гетерогенности жизни, что в академической сфере выражается в интенсивной междисциплинарной коммуникации и переплетении традиционных социогуманитарных наук. Акторно-сетевая теория — лишь одна из составляющих многогранного интеллектуального проекта Бруно Латура. В своих работах и в своей публичной жизни интеллектуала Латур затрагивает такие области знания, как философия, антропология, социология, политическая теория, ставит онтологические и эпистемологические вопросы. Грем Харман называет Латура современным метафизиком [Harman, 2009], тогда как Латуровы исследования в сфере производства *hard science* привели к рецепции его наработок в географии и экологии. Западная интеллектуальная традиция второй половины XX века отличается подобными многогранными самостоятельными авторскими проектами переосмысления действительности, переписыванием ее социокультурного текста, постановкой новых вопросов касательно ее фундаментальной природы и базовых атрибутов. Такого рода создание кардинально новых перспектив видения реальности в значительной мере проявилось во Франции, интеллектуальный дискурс которой в 1960-х и 1970-х годах преимущественно приобретал форму критически настроенных авторских рефлексий по поводу современного социокультурного измерения западной цивилизации и места человека в ней. Эти проекты, которые не только выходили за междисциплинарные рамки, но и в целом откровенно пренебрегали ими, приобретая формы не обусловленных этими рамками рефлексий, были воплощены французскими интеллектуалами, на поколение старше Латура. Так, можно выделить ряд наиболее влиятельных проектов Жиля Делеза, Мишеля Фуко, Ролана Барта, Жака Деррида и других. Эти исследователи задавали тональность интеллектуальной жизни Франции 1960-х и 1970-х годов. С их именами связан период интеллектуального шока во французской гуманитаристике. Чтение биографической философии Фридриха Ницше, влияние Мартина Хайдеггера и других мыслителей феноменологической и экзистенциальной философии в сочетании с психоаналити-

ческим видением реальности и идеями лингвистической философии — все это заставляло по-новому взглянуть на один из главных философских вопросов, которые задавал себе человек — вопрос “Кто я?”. Осмысление этого вопроса привело к пересмотру всей природы мировоззрения человека современной эпохи и рефлексии в отношении самых разнообразных его аспектов. Максимально свободные как от формальных стилевых ограничений, так и от методологических рамок произведения написаны, так сказать, “голыми руками” — с пренебрежением традиционными концептами, которые функционально соответствуют модернистской парадигме с ее классическим метафизическим бинаризмом и не в состоянии “схватить” ее саму. Вместе с тем стали применяться более нейтральные термины семиотики и лингвистики либо создавались новые концепты, порой экстравагантные и неоднозначные, с ярко выраженным метафорическим характером (например, понятия философии Делеза, такие как ризома, тело без органов и т.п.). Эти работы носили мятежный характер, присущий тогдашнему Западнему миру в целом и Франции в частности. Это времена Парижа 1968 года, распространения леворадикальных политических и художественных движений, сексуальной революции, знакомства с восточными духовными практиками, движения хиппи и т.п. В своих произведениях упомянутые выше авторы бунтуют на уровне интеллектуальных рефлексий против господствующих систем знаний, систем осмысления реальности, основанных на классической метафизике с ее субъект-объектной рациональностью [Дьяков, 2008]. Эти системы знаний о реальности воспринимаются как построенные на иерархизированной аксиоматике с ярко выраженной вертикально структурированной перспективой. Постструктуралисты, как их называют в академических кругах французской социогуманитаристики, деконструируют эту парадигму, пытаются каждый по-своему создать иную картину мира, где составляющие реальности позиционируются как хаосовидные имманентные рядоположенные части, принадлежащие к одному горизонту, а не являющиеся рациональными вертикально структурированными функциями. В частности, Мишель Фуко делает это в своих исторических исследованиях генеалогии становления структур систем знаний о человеке и мире, в анализе соответствующих практик контроля и нормирования жизни человека в соответствии с этим знанием, в рефлексиях относительно природы человеческой субъективности и возможностей избежать социально навязанный способ существования. На примере Фуко заметно, как такие междисциплинарные траектории интеллектуального поиска усложняют его категоризацию. Фуко трудно назвать историком, равно как и философом или социологом. Его работы — это, в первую очередь, труды Мишеля Фуко, это голос Мишеля Фуко, обращенный не к специальной категории “экспертов”, то есть академической среде, а к любому. И прежде всего, пожалуй, к самому Фуко. Он уделяет большое внимание авторским эстетическим мотивам, поэтичности языка и риторике своих трудов; они собственно и являются его “практиками себя”, практиками субъективности, которые он предлагает в качестве варианта эмансипированной реализации человеческого субъекта, “витализма в форме эстетики” [Делез, 2004: с. 123]. Аналогично философские тексты Жиля Делеза создаются не только для того, чтобы на концептуальном уровне дать определенную новую версию осмысления реальности, но и для того, чтобы непосредственно “сообщиться” с реципиентом, поро-

дить в нем новые субъективности, не свойственные господствующей парадигме мышления.

Именно в такое дискурсивное пространство в 1970-х годах входит Бруно Латур, который принадлежит уже к следующему поколению французских мыслителей. Это пространство и формирует его как интеллектуала. Бесспорно, в наибольшей степени среди поколения постструктуралистов на Латура повлиял Жиль Делез, в частности его попытки преодоления классических метафизических бинарных презумпций, выраженные в проекте номиналогии, одну из характерных концепций которой — ризому — Латур даже предложил как возможную альтернативу его термина “сеть” в акторно-сетевой теории [Latour, 1999]. Впрочем, в своих текстах и интервью Латур признает также влияние других постструктуралистов, в частности Фуко, Деррида, Лиотара, Барта и др. Но если для этого поколения интеллектуалов главным мотивом их произведений было преодоление парадигмы Модерна, ее критика, деконструкция, демонстрация ее неспособности освободить человека, то есть завершить модернистский проект Просвещения, то для Латура главный вопрос более прагматичен и позитивен: “Что делать?” Если постструктуралисты и предлагали ответ на этот вопрос, то он в большей мере имел форму поисков путей персональной эмансипации человека через практики освобождения субъекта, вроде концепции “заботы о себе” Мишеля Фуко. Это объясняется также их общей склонностью к диагностированию проблем кризиса Модерна с использованием инструментария философии, лингвистики и истории, что тесно связано с траекторией их деятельности с проблемой метафизики субъекта.

Проект Латура опирается в первую очередь на антропологическую перспективу, и весь кризис Модерна вместе с его постструктуралистской критикой он рассматривает в плоскости проблем современного коллективного сосуществования. Это не позиция критика и бунтаря, борющегося за возможность освобождения субъекта, а скорее позиция композитора, конструктора и дипломата, заботящегося об экологии совместного сосуществования. Почвой для этого является влияние на Латура другого французского мыслителя, интеллектуальный путь которого шел обособленно от постмодернистского движения. Речь идет о Мишеле Серра — человеке с необычной, как для академического философа, биографией — он успел пожить насыщенной межкультурным опытом жизнью морского офицера, получить глубокие знания как в точных науках, так и в гуманитаристике, стать членом Французской академии и кавалером ордена Почетного легиона. По словам Серра в его интервью самому Латуру, пережив в детстве ужасы войны и впервые столкнувшись со смертью шестилетним ребенком, он в течение своей академической карьеры сознательно избегал стипендий на любые исследования на основе моделей войны и недоверия [Conversations, 1995: p. 3], а критика в философии Серра является главным инструментом проведения разделов между “прошлым и настоящим, между культурой и наукой, между понятиями и данными, между субъектом и объектом, между религией и наукой, между порядком и хаосом... Вместо того, чтобы выбирать лагерь и укреплять одну из сторон раздела, кризиса, критики — все эти слова означают одно и то же — Серра сидит на заборе между ими” [Latour, 1988: p. 93]. Такую некритическую стратегию в своем проекте реализует и Бруно Латур. Именно заимствованный у Серра термин медиации (трансляции) в проекте

Латура становится альтернативой разрушительному пафосу постмодернистов. Этот концепт подчеркивает существование экологического единства самых разнообразных элементов коллективной жизни, существование посреднических связей между любыми линиями раздела пластов реальности. Вместо усиления этих линий и создания новых проект Латура — это проект артикуляции их относительности и экологической взаимозависимости. Весь постмодернистский багаж деконструкции и критики Модерна для Латура становится основой для диагноза времени: “Мы не вступаем в новую эру; мы больше не продолжаем паническое бегство пост-пост-постмодернистов; мы не цепляемся больше за авангард авангарда; мы больше не пытаемся быть еще хитрее, быть еще критичнее, положить начало еще одному этапу эры подозрения. Нет, наоборот, мы замечаем, что так никогда и не начинали вступать в эру Модерна... Существует лишь одна положительная вещь, которую можно сказать о постмодернистах: после них больше ничего нет. Отнюдь не будучи концом конца, они знаменуют собой конец концов, то есть конец способов закончить что-нибудь и пойти дальше” [Latour, 1993: p. 65]. Вместо того, чтобы пытаться уничтожить и провозгласить конец эпохи Модерна, Латур декларирует отсутствие ее начала, как и начала и окончания любой эпохи. С первых шагов своей исследовательской карьеры он пытается эмпирически исследовать, как становится возможной реальность модернистской картины мира, из чего она построена на практике помимо декларируемых сущностей, онтологический статус которых легитимируется объект-субъектной рациональностью. Эти исследования позволили выявить роль разнообразных посреднических практик и сущностей, которые, с одной стороны, делают возможным процесс производства научных объектов и фактов, а с другой — для самого научного рационалистского дискурса они невидимы и немислимы, поскольку их нельзя четко отнести к субъект-объектной оси мыслительного пространства. Впрочем, без этих “гибридизированных” посредников “модерный мир немедленно перестал бы функционировать, поскольку он, как и все прочие коллективы, живет благодаря этому смешению” [Latour, 1993: p. 80]. Интеллектуальный проект Латура — это попытка артикулировать это смешение и гибридизацию современного мира и поставить вопрос о необходимости и возможности построения нашего общего мира, наших форм коллективного сосуществования с учетом этих характеристик. Гибридизированный мир требует и гибридизированной теории [Blok, 2001]. Тексты Латура поднимают самые разнообразные вопросы, смешивают проблемы социального порядка и эпистемологии, метафизики и политики, этики и экологии, но при этом Латур не сосредоточивается на авторском эстетичном мотиве своей деятельности, что было характерно для постмодернистов, а прежде всего старается пригласить к диалогу академический мир, войти в дискурс основных дисциплин современной социогуманитарной мысли. И главным образом это касается социологии, науки о коллективной жизни, основной проблематики его интеллектуального проекта. И именно социологическая составляющая у Латура является тем прочным фундаментом, на котором поднимаются вышеупомянутые проблемы. Она же позволяет легитимировать постановку вопроса пересмотра политических или этических аспектов нашего общего коллективного сосуществования.

Природа социального измерения в перспективе АСТ

В рамках социологического научного дискурса от самого его зарождения происходило многовекторное развитие разнообразных перспектив описания и анализа социальной реальности. Впрочем, как демонстрирует нам Ритцер, эти социологические парадигмы главным образом опирались на дуалистическое видение социального пространства [Ритцер, 2002: р. 417], заданное еще основоположниками социологии. Это воспроизводилось в рамках амбивалентных континуумов, построенных в таких измерениях, как микро/макро и субъективное/объективное. Совмещение этих континуумов образует четырехмерную систему координат, задающую спектр сущностей, которые может создать/заметить социологическое воображение ученых и которые легитимируются в их теориях и исследованиях. Среди наиболее артикулируемых сущностей социальной реальности, которые в ходе развития социологической мысли циркулировали в ее академическом дискурсе, можно выделить, с одной стороны, идеи общества, системы, социальной структуры, институтов и т.п., а с другой — концепты субъекта, личности, взаимодействия, агента, ценностей и пр. Использование этих категорий и легитимация реальностей, в которых они существуют, в последнее время стали проблематичным аспектом развития социологии. Новые вызовы реальности — по Бауману “текучей современности” [Бауман, 2008] — в частности развитие наук и технологий, ускорение функционирования коммуникационных сетей, интенсификация межкультурного обмена, — все это подталкивает социологическую теорию к поиску новых более чувствительных инструментов идентификации и анализа социальных процессов. Одна из главных характеристик этих процессов — неопределенность и непредсказуемость, ставящая под сомнение релевантность редуцированной объективации их в обычные категории словаря конвенциональной социологии. Ради сохранения эпистемологического потенциала социологии некоторые теоретики прибегли к построению более гибких интегральных теоретических конструкций, которые должны были дать инструментарий для доступа к вышеупомянутым амбивалентным измерениям социальной реальности и отслеживания связей повседневных взаимодействий с более глобальными структурными процессами. Социологии Пьера Бурдьё, Энтони Гидденса, Маргарет Арчер являются примерами наиболее успешных попыток такого рода. Новые понятия габитуса, структурации представляли собой теоретические гибриды, призванные преодолеть дилемму глобального/локального и оживить эпистемологический потенциал упомянутых выше традиционных социологических понятий. В противовес этому некоторые исследователи усомнились в самой целесообразности использования этих понятий, особенно центрального из них концепта общества, обозначающего главный объект социологии. Например, в своих рефлексиях касательно роли понятия общества в современном теоретизировании Н.Луман подчеркивает, что обычные определения обществ как объединений индивидов и отношений между ними либо как территориально ограниченных единиц “уже не в состоянии отвечать потребностям теории; их жизнь продолжается только благодаря словоупотреблению. Тем самым современная социологическая теория оставляет ощущение раздвоенности, кажется двуликим Янусом: она использует концепции, которые еще не разорвали связи с традицией, но уже

делает возможным вопросы, способные подорвать рамки последней” [Луман, 2004: с. 27]. Чтобы сохранить главный объект социологии от полного самоуничтожения, Луман предлагает теорию систем как основу теории общества, не ограниченную пространственно-временными рамками.

В этом общем сюжете развития социологического теоретизирования, направленного на решение прежде всего эпистемологических проблем, особенностью проекта Бруно Латура является радикализация данных проблем и перевод в плоскость онтологии. Главная цель Латура — не обновление концепта общества с приписыванием ему новых характеристик и новой объяснительной компетенции, не поиск новых категорий или теоретических конструктов, которые могут позволить адекватно рефлексировать по поводу современных социальных процессов. Социология Латура — это попытка заново поставить вопрос о самой природе коллективной жизни, попытка радикального переформатирования объекта, предмета и метода социологии. Теоретические тексты Латура — это, собственно говоря, разъяснение необходимости этого переформатирования с учетом актуальности пересмотра политического и этического аспектов социологии как науки. Если дуалистическая перспектива видения социального предполагает привлечение наперед заданного спектра акторов социальной реальности с соответствующей иерархической аксиологией взаимоотношений между ними, которая требует от исследователя либо исходить из видения одних из них как первопричины реальности других (объектных относительно субъектных, макро относительно микро или наоборот), либо же находить диалектический компромисс, то Латур предлагает новую версию социологического воображения, позволяющего говорить о социальной реальности, не различая ее по дуалистическим категориям, а прослеживая именно продуцирование самых разнообразных различий, отличий как признак коллективных отношений.

Проект акторно-сетевой теории — это проект универсальной социологии, науки, имеющей доступ к любой сфере реальности. В этом контексте Латур продолжает французскую традицию социальной мысли, ведущие представители которой тяготели к тотализации социального измерения реальности. Эта тяга заметна уже у Огюста Конта, для которого социология была королевой наук, способной открыть основоположные законы коллективного бытия. Институционализировать тотальность социального удалось Эмилю Дюркгейму, который провозгласил существование *отдельного измерения* общества *sui generis*, являющегося вместилищем разнообразных коллективных представлений, которые корректируют совместную жизнь людей, выполняют в отношении их функцию действия внешнего принуждения [Дюркгейм, 1995]. По логике Дюркгейма такая тотальность служит отправной точкой в теоретизировании и исследовании социальной жизни. Именно она и является тем выделенным измерением реальности, к которому имеет доступ социология и законы функционирования которого она может познавать. В этом познании социолог должен оставаться в рамках измерения социальной тотальности, то есть объяснять социальное социальным, открывать природу социальных законов в соотношении с другими социальными законами. Хотя в своих текстах Латур противопоставляет собственную версию социологии “социологизму” Дюркгейма, очевидна трансляция этой Дюркгеймовой интенции к тотальности в проект Латура. Возможно, это осуществилось в основном через творчество Фуко, который трансфор-

мировал идею внешнего принуждения в имманентные формы микровласти, которая пронизывает все человеческие отношения и в которой функционально растворяется человек как субъект. Через Фуко реальности Дюркгейма транслируются и в тексты Латура, правда, социальное Латура уже не является отдельным трансцендентным измерением *sui generis*, как у Дюркгейма. Для Латура социальное — это не первопричина, от которой нужно отталкиваться в объяснении человеческих взаимоотношений, а скорее следствие, конечное состояние вещей. Не социальное должно объяснять всю сложность, уникальность и взаимосвязанность траекторий групповой жизни, а наоборот, мы должны объяснить социальное, описав и отразив все эти разнообразные связи и их мотивы, которые обуславливают существование группировок и ассоциаций. Как замечает Латур, “социальное — это не клей, который может все соединить, а наоборот, это нечто, уже склеенное воедино другими типами связей” [Latour, 2005: p. 5].

Поэтому, в противовес объективистской социальной тотальности Дюркгейма, социальная тотальность Латура — это тотальность относительности природы социальной жизни, тотальность неопределенности отношений, которые очерчивают соприсутствие коллективных взаимодействий. Проект Латура выполняет роль институционализации этой неопределенности. В этой перспективе объяснительная роль концепта “социальное” нивелируется, ведь наличие любых связей-отношений представляется причиной коллективности, а не ее следствием. Находиться в социальных отношениях означает просто находиться в отношениях, в самых разнообразных связях/ассоциациях с другими, что и актуализирует гетерогенность проявлений реальности, а значит, дает основания говорить о ее коллективной природе.

На первый взгляд, подход Латура сужает предмет социологии до исследования образования связей-ассоциаций, отступая тем самым от завоеванных социологией позиций — от распространения на все сферы изучаемой реальности интерпретации посредством концептов социального и общества. Но, с другой стороны, социология ассоциаций позволяет идентифицировать и проследить любые связи, любые ассоциативные движения между элементами реальности и увидеть их роль в собирании и удержании вместе целостностей и группировок, которые определяют как коллективное сосуществование людей, так и сочетание “не-человеческих” (non-human) факторов. Можно сказать, что у Латура социология остается “королевой наук”, но с другими полномочиями — с видением социального не как отдельной сферы реальности, а “как способа связывания гетерогенных узлов, способа превращения одних сущностей в другие” [Латур, 2003: с. 27].

Опираясь на такое видение “социального”, можно раскрыть Латурово понимание природы относительной упорядоченности и постоянства общественной жизни, главной причиной которого в конвенциональной социологии является этот невидимый контекст социального измерения.

Латура не устраивает арбитражная роль “общества” как определенной сущности, ответственной за порядок социальной реальности, как не устраивает его роль науки в качестве арбитра в отношении положения вещей в реальности вообще. Латур отвергает трансцендентные причины упорядоченности коллективной жизни и, напротив, разрабатывает перспективу имманентного механизма координации социальных отношений. В этом смысле Латурова версия фундаментального вопроса о природе социального порядка

является продолжением и развитием этнометодологической традиции. Развитие основных идей Гарольда Гарфинкеля поставило под вопрос идеи постоянства и детерминированности социальной реальности, демонстрируя условность, конвенциональность и вербальную обусловленность ее природы. Этнометодологическая перспектива природы социального порядка сосредоточена на исследовании того, как в непосредственном взаимодействии происходит ее самоупорядочение благодаря использованию участниками взаимодействий соответствующих “народных” методов интерпретации социальной реальности, что является залогом адекватного для данной ситуации поведения [Гарфинкель, 2007]. Латур развивает этот подход, его тоже не устраивает объяснение стабильности и упорядоченности человеческих взаимодействий и общественного порядка. Его интересуют конкретные практики упорядочения, конкретные эмпирически доступные “следы” этих упорядочений реальности. Для обоих авторов порядок — это скорее процесс, нежели устоявшаяся действительность. Их оптика сфокусирована на том, как именно протекает этот процесс, как происходит упорядочение реальности.

Однако, как отмечает Кузнецов, базовым отличием АСТ от интерпретативных подходов, связанных с символическим интеракционизмом, к которым относится и этнометодология, является антропологическая “мифология” этих теорий [Кузнецов, 2011: с. 80]. Для Гарфинкеля человек прежде всего является представителем уникального биологического вида, главный признак которого — сознание, оперирующее символами и знаками и способное к абстрактному мышлению; а развивается и поддерживается это сознание во взаимодействии и отношениях с другими людьми. Такой подход вписан в обычную систему координат, которую предлагает Ритцер. Следовательно, у этнометодологов природа социального порядка актуализируется во взаимодействиях между людьми, в ходе которых здесь и сейчас оказывается социальная компетенция участников взаимодействия, что, собственно, и служит залогом порядка. Для этнометодологов главным атрибутом этих взаимодействий является язык, он же и составляет главную базу эмпирического анализа. Именно в коммуникациях и использовании языка прослеживается конструирование и поддержание обычных структур взаимодействия. Собеседники в ходе коммуникации совместно — на интересующем уровне — упорядочивают реальность, объективируют ее своими высказываниями и типизациями, опираясь на общее фоновое знание [Гарфинкель, 2007].

Антропологическую мифологию проекта Латура называют постгуманистической [Pyyhinen, 2011]. Основополагающим тут является не антропоцентрическое понятие человеческих отношений (*relations*), а более нейтральный концепт трансляции (*translations*). И человеческие отношения с присущим им символическим обменом, языком и совместным конструированием смыслов для Латура являются лишь одним из звеньев вездесущих сетей циркуляции разнообразных трансляций действий в их различных формах: “...под термином “трансляция” мы понимаем все переговоры, интриги, расчеты, акты убеждения и насилия, из-за которых актор или сила присваивают право говорить или действовать от имени других сил или акторов” [Callon, 1981: p. 279]. Сети образуются и упорядочиваются, когда акторам удалось транслировать их цели в цели других акторов и добавлять их

силу к своей. Это может как определяться сознательным человеческим выбором, так и быть объективно обусловленным.

Концепт Латура концентрирует внимание на изменениях, на действиях, вызывающих изменения в реальности. Его социология — это действительно крайне радикализированный вариант исследовательского внимания к процессуальности и динамике социальной жизни. Но при этом тексты Латура не насыщены ни революционными переворотами, ни парадигмальными сдвигами, ни какими-либо иными великими Концами и Началами. Новые политические режимы не появляются на пустом месте в результате полного уничтожения предыдущего уклада; новые научные факты не парят в воздухе, а создаются на базе имеющихся знаний и инструментов; новая социологическая теория не является полностью выдуманной с игнорированием всех предшествующих перспектив, а является — даже в случае радикального теоретизирования Латура — трансляцией и компиляцией предыдущих наработок. Любые изменения всегда оставляют “следы”, которые присутствуют в реальности и являются собственно движущей генеалогией движения сетеобразования (*worknet*), постепенного процесса взаимного упорядочения, где не бывает обрывов и революций. Порядок, по Латуру, — это весьма хаотичный процесс коллективного конструирования, композиционирования реальности, где элементы сопоставляются и собираются воедино, формируя друг друга.

Социология Латура не является социологией общества, индивидов или человеческого взаимодействия. АСТ — это способ начать исследование, исходя из неопределенности в отношении объектов, образующих социальное. Аналитический инструментарий Латура не играет той роли в его подходе, которую обычно играют концепты социологических теорий. Если концепты в основном вводят для того, чтобы как можно четче очертить конкретные объекты, загнать определенные аспекты реальности в четко определенные слова со строго очерченными значениями, а в случае количественных исследований еще и с отражением характеристик объекта в цифровых аналогах, то для Латура его концепты — это скорее прицел, линза, позволяющая рассмотреть все необходимые детали в ходе исследования. В этом смысле акторно-сетевая теория является теорией в буквальном смысле этого слова. В переводе с древнегреческого “*theore*” означает “смотреть на что-либо”, “рассматривать”. Теоретическая ценность подхода Латура состоит не в критической отстраненности, а наоборот — в критической близости. Инструментарий АСТ выполняет роль когнитивной линзы, главная задача которой — сделать возможным для исследователя непосредственное рассмотрение реальности без ее предварительной категоризации и различения. Словарь Латура служит инструментом трансляции социологического воображения, не отягощенного субъект-объектной дихотомией и, благодаря этому, максимально открытого и чувствительного для прослеживания непосредственного продуцирования коллективного сосуществования самыми разнообразными его участниками.

Главной причиной отказа Латура от теоретизирования в традиционном стиле стало то, что по крайней мере в социальных науках теоретическое объяснение неизбежно ведет к упрощению и фальсификации исследуемой реальности. По словам Латура, теоретическое объяснение заменяет “агентов-посредников” (*mediators*) простыми “проводниками” (*intermediaries*).

Первые — это конкретные факторы, оставляющие свой уникальный след на результате, тогда как последние — это сугубо проводники общих каузальных сил [Latour, 2005: p. 100]. Используя более традиционную терминологию, можно сказать, что при теоретическом объяснении определенного феномена он предстает не так, как он предстает и позиционирует себя для себя в своем действии, но так, как его позиционирует теория. Будучи описанным таким образом, он может без проблем быть интегрирован в общие рамки теоретического объяснения. Феномен упрощается до простого общего типа, а его индивидуальные особенности нивелируются. В процессе теоретического объяснения явления мы всегда умело заменяем оригинал упрощенной копией, специально предназначенной для интегрирования в теорию. Теоретическое объяснение всегда частично фальсифицирует реальность или сменяет тему [Latour, 2005: p. 100].

Латур призывает нас развивать взгляд на общество как полностью состоящее из активных агентов-посредников, а не статических проводников. “АСТ просто не берет на себя задачу стабилизировать социальное относительно предмета своего исследования, такую обязанность следует оставить исключительно самым акторам” [Latour, 2005: p. 30–31]. В плане методологии это означает, что мы должны тщательно описывать все, что происходит в каждом конкретном случае. В частности, мы должны описывать сети влияний вне референции к таким многофункциональным терминам, как “демократизация”, “империализм” и т.п. Одним из постулатов социологии Латура является принцип игнорирования абстрактного влияния или абстрактного действия. Исследователь должен детально осветить механизм, ведущий к переформатированию коллективов. Этого нельзя сделать в общих чертах или раз и навсегда. Каждое научное исследование соприкасается с конкретным случаем [Latour, 2005: p. 137]. АСТ требует возможности всегда “указать пальцем” на конкретные “следы” участников коллективной реальности, в которых проявляется их агентная способность. Аксиологический пафос АСТ проявляется через артикуляцию живого присутствия, живого существования. Социология Латура — это современная экологическая социология “*live*”, социология коллективного соприсутствия с ее имманентной природой. Самые разнообразные факторы, делающие возможной эту коллективность, онтологически являются конкретными агентствами, локализованными во времени и пространстве. Если социальные теории и методологии направлены главным образом на активизацию критичности и аналитичности как необходимых качеств исследователя, то проект Латура — это проект новой социологической чувствительности. Инструментарий АСТ заставляет/позволяет исследователю замечать самые разнообразные агентства, которые так или иначе продуцируют коллективную жизнь, перемещаться от одного к другому из них, в реальном времени следить за ними и определять, как они очерчивают и изменяют коллективное соприсутствие. Особо ценно это в ситуации глобального распространения массовых коммуникаций, активно изменяющих природу и механизмы коллективной жизни. Если во времена Французской революции новость о падении Бастилии две недели добиралась до Мадрида, то сегодня, как убедились граждане Украины зимой 2013–2014 годов, стало возможным непосредственное коллективное соприсутствие/соучастие в бурных социальных конфликтах в условиях физической отдаленности от эпицентра событий на десятки ты-

сяч километров. Эта физическая удаленность может нивелировать возможность непосредственного физического участия в центре протестных действий, но наличие глобальных коммуникационных сетей дает возможность дистанционного подключения большего спектра иных деятельностей — координационной работы, информационной поддержки, финансовой помощи и т.п.; именно это в событиях “Евромайдана” стало одним из весомых факторов агентств очерчивания траектории развития *этой проблемной ситуации* (matters of concern) коллективной неопределенности (*uncertainty*).

Именно для анализа таких проблемных ситуаций, в которых открываются (или еще не закрылись) “черные ящики” механизмов коллективных действий и оголяются разнообразные агентства-участники социальной жизни, оказывается эффективной чувствительность инструментария АСТ, основанного на методологии исследования акторов в ситуациях, где границы не определены, а рамки референции (*frames of reference*) постоянно меняются [Latour, 2005: p. 12]. Социологическое объяснение, по Латуру, должно заканчиваться обществом, а не начинаться с него, как это происходит в рамках социологизма. Чтобы получить точную интерпретацию социального, мы должны не пытаться урегулировать различия, а проследить связи между ними и дать им полностью раскрыться в процессах движения реальности.

Латур предлагает проект социологии, максимально ответственной за перформативные последствия своей деятельности, в частности политические и моральные. Современный социолог, по версии АСТ, уже не может быть “законодателем” и принимать участие в непосредственной социальной инженерии, воспроизводя определенные унифицирующие сущности вроде общества или класса. На фоне всей многогранности современной коллективной жизни и бесчисленного количества агентств, которые ее формируют, — это не является ни научно, ни политически релевантной стратегией исследовательской деятельности. Миссию социолога в понимании АСТ можно назвать дипломатической. Тексты социологических исследований — это своеобразные площадки переговоров, на которых собираются и легитимируются голоса разных кандидатов на коллективное существование. АСТ дает возможность исследователю быть открытым к постоянному обновлению перечня этих кандидатов. В качестве инструмента социологического анализа она выполняет функцию выявления и трансляции разнообразных “следов” существования этих агентств в хаотической реальности в общий текст, коллективный нарратив, который легитимирует их участие в коллективных отношениях социальной жизни. “Хорошее описание не требует объяснений” [Latour, 2005: p. 146], поэтому само описание является теоретизированием, то есть строительством реальности, изменением состояния вещей, артикуляцией некоторых особенностей реальности, которые участвуют в композиционировании коллективных отношений, но обычно оказываются незаметными для социальных наук.

Нейтральный недуалистический категориальный аппарат АСТ подталкивает нас к фундаментальному переосмотру природы нашего коллективного/социального существования, к пересмотру привычного понимания того, что нас объединяет, где конкретно эти соединительные скрепы размещены и какие нравственные и эмоциональные нагрузки они несут. В некоторых текстах для изображения связей-ассоциаций Латур использует английский термин *attachment* (привязанность), коннотирующий с психологиче-

ской теорией привязанности между людьми и с восточнофилософским видением эмоциональной зависимости субъекта от связи с разнообразными феноменами реальности. АСТ позволяет идентифицировать эти связи-зависимости, артикулировать их гетерогенность и относительность, а значит, легитимирует вопрос об их изменении и композиционировании других форматов коллективного сосуществования.

АСТ до сих пор не стала мейнстримовым направлением социологической теории. Впрочем, основательный труд Бруно Латура не прошел бесследно. Мультипарадигмальная социологическая наука пополнилась качественно новой перспективой. И как часто бывает в случаях вхождения нового знания в определенную научную сферу, развитие АСТ стало не только важным событием, но и обусловленным временем вызовом постулатам других, более традиционных социологических парадигм. Латурсова критика не-проблематичного использования трансцендентных категорий общества и субъекта ставит вопрос о релевантности продуцируемых в социологических исследованиях реальностей, которые артикулируют вопросы политической ответственности социологической теории и практики.

Выводы

В ходе нашего анализа мы проследили основные истоки системы идей Бруно Латура, важнейшим источником которых является интеллектуальная среда французской социогуманитаристики 60-х и 70-х годов прошлого века. Именно французские постструктуралисты артикулировали основные проблемы модернистской мировоззренческой парадигмы и предложили альтернативные перспективы видения реальности, выходящие за рамки ее рациональной логики. Сравнение проекта Латура с проектами его предшественников позволяет артикулировать основные причины и следствия их отличий. Такой причиной, в первую очередь, является сама интенция деятельности Латура, который отталкивается от намерения построить позитивный проект интеллектуальной парадигмы, которая была бы направлена на осмысление кризиса эпохи Модерна в социальной плоскости проблематики коллективного сосуществования и с самого начала опиралась на антропологическую перспективу реальности, в отличие от философского, лингвистического и исторического инструментария постструктуралистов, сосредоточенных преимущественно на проблеме метафизики субъекта. Исходя из этого в статье предложено осмыслить интеллектуальную деятельность Латура как проект антропологизации и социологизации основных проблем и открытий французской интеллектуальной среды постструктуралистов и проанализировать смещение акцентов с критики и реконструкции реальности на эмпирическое исследование всего разнообразия ее элементов и экологической взаимозависимости их отношений. Поэтому именно социологическая составляющая интеллектуального проекта Латура осмысливается как та его фундаментальная часть, которая сделала возможными вхождение авторского интеллектуального проекта в мир академической науки и эмпирическую легитимацию постановки вопроса кардинального пересмотра основ координации современного коллективного сосуществования.

Чтобы осмыслить проект социологии Латура, автор обратился к анализу его базовых аспектов в сравнении с атрибутами более традиционных под-

ходов в социологии, в частности в их онтологических измерениях. Так, в качестве одной из основополагающих онтологических характеристик миров Бруно Латура выделен экологический аспект соприсутствия, который можно определить как главный пафос всего интеллектуального проекта ученого. Такая монистическая природа соприсутствия коллективного существования, по моему мнению, нивелирует обычную логику линейного времени и причинно-следственных связей и создает почву для легитимации перспективы тотальной неопределенности социальной реальности Латура, что позволяет помыслить одновременную “плоскую” соположенность во времени и пространстве ее гетерогенных элементов. Отталкиваясь от этого, показано, как отличается природа социологической теории и практики в контексте проекта АСТ в сопоставлении с обычным пониманием их в социологической традиции. Основной теоретико-методологический аппарат в АСТ играет роль своеобразной когнитивной линзы, предоставляющей доступ к усмотрению и эмпирическому вхождению в латуровское измерение социальной реальности. Инструментарий АСТ создает особый эффект экспертной “чувствительности” к гетерогенному соприсутствию коллективных отношений, которая не акцентируется при использовании традиционного социологического теоретико-методологического аппарата, базирующегося на обычной дуалистической картине социальной реальности.

Несмотря на такую особенность подхода Латура, на мой взгляд, в нем все равно содержится фундаментальный аспект продолжения французской социологической традиции, которой ученый противопоставляет себя. Речь идет о тяготении к тотализации социальной картины мира, которая в социологии была институционализована Эмилем Дюркгеймом и которую Бруно Латур кардинально трансформирует, сменив объективистскую социальную тотальность на тотальность неопределенности и относительности коллективной жизни. Таким образом, Латур сохраняет универсализм социологии, ее статус “королевы наук”, провозглашенный еще Контом, то есть статус дисциплины, имеющей доступ ко всем сферам реальности. Однако сейчас этот доступ базируется на идее неопределенности социального порядка и предполагает совсем другие компетенции королевы наук. Среди них, в первую очередь, выделена ответственность социологии за перформативные последствия своей деятельности, ведь любой текст исследования в таком контексте предстает как трансформация/трансляция неопределенности реальности в ограниченную дискурсивную площадку, которая предоставляет голос одним участникам коллективных отношений, то есть легитимирует их существование, одновременно оставляя за пределами дискурса других.

Источники

- Бауман З.* Текущая современность / Бауман З. — СПб. : Питер, 2008.
- Делёз Ж.* Переговоры. 1972–1990 / Делёз Ж. ; пер. с франц. В.Ю. Быстрова. — СПб. : Наука, 2004.
- Дюркгейм Э.* Социология. Её предмет, метод, предназначение / Дюркгейм Э. ; пер. с франц. ; [сост., послесл. и прим. А.Б. Гофмана]. — М. : Канон, 1995.
- Дьяков А.В.* Философия постструктурализма во Франции / Дьяков А.В. — М. : Northern Cross, 2008. — 363 с.

Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии / Гарфинкель Г. — СПб. : Питер, 2007.

Кузнецов А.Г. Символический интеракционизм и акторно-сетевая теория: точки пересечения, пути расхождения и “зона обмена” / А.Г. Кузнецов // Векторы развития современной России: научное знание в контексте современности : IX Междунар. науч.-практ. конф. ; 2–3 апр. 2010 г. — М. : МВШСЭН, 2011. — С. 75–88.

Латур Б. Когда вещи дают сдачи / Б. Латур // Вестник Московского университета. — 2003. — №. — С. 20–39. — (Серия 7 : Философия).

Луман Н. Общество общества. Ч. 1 : Общество как социальная система / Луман Н. — М. : Логос, 2004.

Ритцер Дж. Современные социологические теории. / Ритцер Дж. — 5-е изд. — СПб. : Питер, 2002.

Callon M. Unscrewing the big Leviathan: how actors macro-structure reality and how sociologist help them to do so / M. Callon, B. Latour // Advances in Social Theory and Methodology: Towards an Integration of Micro and Macro-Sociology / K. Knorr-Cetina ; A.V. Cicouvel (eds.). — Boston, MA ; London : Routledge, 1981. — P. 277–303.

Conversations on Science, Culture, and Time: Michel Serres Interviewed by Bruno Latour. — S. l.: University of Michigan Press, 1995.

Blok A. Bruno Latour: Hybrid Thoughts in a Hybrid World / A. Blok, T.E. Jensen. — London : Routledge, 2011.

Harman G. Prince of Networks: Bruno Latour and Metaphysics [Electronic resource] / G. Harman // re.press. — Melbourne, 2009. — Access mode : <http://re.press.org/>

Latour B. On Recalling ANT / B. Latour // Actor-Network Theory and After. — Oxford: Blackwell Publishers, 1999. — P. 15–26.

Latour B. Reassembling the social: An introduction to actor-network-theory / B. Latour. — Oxford : Oxford University Press, 2005. — 301 p.

Latour B. The Enlightenment without the Critique: A Word on Michel Serres' Philosophy / B. Latour // Contemporary French Philosophy / J. Griffith (editor). — Cambridge : Cambridge University Press, 1988. — P. 83–98.

Latour B. We Have Never Been Modern / Latour B. — Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1993.

Pyyhtinen O. We Have Never Been Only Human: Foucault and Latour on the Question of the Anthropos / O. Pyyhtinen, S. Tamminen // Anthropological Theory. — 2011. — P. 135–152.

Crawford T.H. An Interview with Bruno Latour / T.H. Crawford // Configurations. — 1993. — No. 1. — P. 247–268. — (Interview conducted in October, 1990).